

Активно обращается к использованию устойчивых сочетаний Вл. Соколов. Большую их часть (около 70%) составляют стилистически нейтральные фразеологизмы. Почти все они включаются поэтом в текст в привычной форме и значении. Наряду с этим поэт прибегает к самым различным способам структурно-семантических их преобразований. При реализации устойчивых сочетаний чувствуется сознательная установка этого поэта на параллельное употребление в одном контексте устойчивого и семантически близкого с ним свободного сочетания, на дублирование смысла. Причем свободное сочетание обычно повторяет общий смысл устойчивого сочетания, иногда перефразируя его.

Ср., например, в поэме «Чужое письмо» употребление сочетаний *как шут гороховый* и *как олух*: «*Как шут гороховый, / как мальчик, я в эту стенку бился лбом, / и вспять отскакивал, как мячик, / и лез, как олух, напролом...*». Тема смерти, выраженная в стих. «Вот и нет меня на свете...» устойчивым сочетанием *уйти со света* (*не уйду со света* — «не умру») свое дальнейшее развитие находит в сочетании *не оставляю дня*, являющемся новой вариацией этой же темы: «*Не уйду, ступив со света, / Не оставляю дня*». Та же смысловая тема в стих. «Друзья мои, не умирайте...» передается недистантным повтором сочетаний *не засыпайте насовсем* (ср. *заснуть последним сном* — «умереть») и *не умирайте*: «Друзья мои, *не умирайте. / Не засыпайте насовсем*».

Встречаются у Соколова и случаи структурно-семантического преобразования фразеологизмов. Сочетание *круговая спайка* в отличие от своего общезыкового прототипа *круговая порука* («ответственность всех за каждого и каждого за всех») обозначает тесную связь, сплоченность вещей, быта, которая направлена против героя и препятствует его освобождению из этого плена вещей («Чужое письмо»).

Широко обращается к фразеологизмам Н. Матвеева; чаще всего это — стилистически нейтральные устойчивые сочетания (около 70%), реже — разговорные и просторечные. Приемы трансформации сочетаний в текстах Матвеевой разнообразны. Так же, как и у Соколова, устойчивой чертой реализации фразеологических единиц у Матвеевой является их употребление в повторе, виды и функциональная нагрузка которого в стихотворении могут быть различны. Смысловой повтор обычно приводит к подчеркиванию содержательной стороны фразеологизмов. Наблюдается это либо при параллельном использовании синонимичных устойчивых сочетаний (ср. употребление фразеологизмов *бог ведает* и *черт знает*, имеющих одно и то же значение «никто не знает»): «Но кто грубей, кто низменнее? / Тот/ или другой? *Бог ведает! Черт знает!*» (Соломинка), либо при параллельном употреблении устойчивого сочетания и семантически близкого ему свободного сочетания (ср. сочетания (ступать) *по пятам* — «следом за кем-нибудь» ступать и *по моим следам*): «Но *по пятам, по пятам, по моим следам*/ тяжело ступает память — мой конвой» (Страна детства).

Прибегает Н. Матвеева и к каламбурному употреблению фразеологизмов, опирающемуся на созданное контекстом оживление прямого значения одного из компонентов сочетания. Так, столкновение в одном контексте устойчивого сочетания *держат в ежовых рукавицах* («обходиться с кем-нибудь сурово, строго») и существительного *еж* (акцентирующего прямое значение адъективного компонента сочетания) создает возможность двойного понимания этого сочетания и оживляет образное представление, лежащее в его основе: «*Держат ежа в ежовых рукавицах!* Природой не дозволено! Увы!» (Еж).

Каламбурному обыгрыванию у Матвеевой могут подвергаться фразеологизмы, данные «подтекстно». Фразеологизма как целостной единицы языка в этом случае в стихотворении нет, он представлен лишь отдельными компонентами, употребленными в свободном сочетании в буквальном значении. Однако для правильного прочтения такого контекста